

Игорь
Атаманенко

**ИЩИТЕ
ШПИОНА !**

Cherchez la spia !

Игорь Атаманенко

Ищите шпиона! Cherchez la spia!

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 355.40
ББК 67.401.212

Атаманенко И. Г.

Ищите шпиона! Cherchez la spia! / И. Г. Атаманенко — «ВЕЧЕ»,
2025

ISBN 978-5-4484-5272-7

В книге профессионального контрразведчика и писателя Игоря Атаманенко читатель найдет много увлекательных историй, среди которых — вербовка африканского кронпринца, похищение чекистами стратегических суперсекретов НАТО, предотвращение Союзом ССР Третьей мировой войны, дело американского пилота Пауэрса, война Судного дня, загадки председателя КГБ Ю.В. Андропова и другие. Особое внимание читателя привлечет авторское видение известных и малоизвестных исторических фактов и событий, автор восстанавливает правду о мировых знаменитостях, их деяниях и декларациях.

УДК 355.40
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-4484-5272-7

© Атаманенко И. Г., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Предисловие	6
Раздел I	7
Надругательство над Фемидой	7
Глава первая	7
Глава вторая	8
Глава третья	8
Глава четвёртая	9
Глава пятая	9
Глава шестая	10
Глава седьмая	11
Бриллианты для жены министра	13
Андропов – Брежнев. Сближение	21
Глава первая	21
Глава вторая	22
Глава третья	22
Мата Хари московского разлива	24
Глава первая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Игорь Атаманенко

Ищите шпиона! Cherchez la spia!

© Атаманенко И.Г., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

* * *

Предисловие

I. Сегодня среди российских книголюбителей не найти ни одного, кто пренебрёг бы шансом посетить турнир «интеллектуального фехтования» между иностранной разведкой и отечественной контрразведкой. Пусть не побывать, а хотя бы через дверную щелочку, да одним глазом, да взглянуть на то действо...

А вот господин, купивший книгу, ликует! Ведь лихо закрученные сюжеты о схватках наших контрразведчиков-добряков с иноземными шпионами-злодеями чередуются, как на конвейере:

– вербовка африканского кронпринца, «таскавшего из огня каштаны» для КГБ в течение ряда лет;

– похищение чекистами стратегических суперсекретов НАТО;

– захват гражданами ГДР шпиона из Западной Германии;

– предотвращение Союзом СССР Третьей мировой войны;

– стряпанье антисоветских анекдотов редакцией журнала «Континент»;

а также множество тайных операций – достаточно лишь стать обладателем книги.

II. Представляемая мною книга в определённой степени автобиографична, поскольку в РАЗДЕЛЕ IV автор скрывается под маской офицера КГБ по фамилии Казаченко. Почему?

Ларчик открывается просто. Знаток человеческой психологии английский писатель Оскар Уайльд бесконечно прав, утверждая: «Человек, рассказывающий о себе в первом лице, лишь отчасти сообщит слушателям, каков он на самом деле. Дайте ему маску – он скажет вам правду!»

Именно поэтому автор, чтобы полнее донести до читателя «мотивировку дел своих боевых в годы минувшие», решил скрыться за кодовым именем.

Кстати, все офицеры контрразведки (автор им был в последней трети XX века), участвуя в литерном (секретном) мероприятии, неизменно выступают под прикрытием кодового имени.

III. В РАЗДЕЛЕ VI автор разоблачает барражирующую в нашем обиходе ложь и ляпсусы, злонамеренно культивируемые идеологическими противниками Российской Федерации, ведущими против нас психологическую войну.

Кроме прочего, в этом разделе воссоздана оригинальная трактовка известных фактов и событий, восстановлена правда о мировых знаменитостях, их деяниях и декларациях.

И последнее.

Досконально изучив материалы книги, я со всей ответственностью заявляю: всё, что в ней сказано, – не факт, это было на самом деле!

Искренне Ваш генерал-лейтенант Кудрявцев В.П.,

кандидат военных наук

Раздел I

КГБ отслеживает оперативную обстановку в СССР и в странах Варшавского договора

Надругательство над Фемидой

Глава первая Козлы отпущения

19 мая 1961 года во всех центральных печатных органах Советского Союза появилась рубрика «В Комитете государственной безопасности и в Прокуратуре СССР», где, в частности, сообщалось:

«Недавно в Москве обезврежена группа злоумышленников, занимавшихся незаконными сделками с иностранной валютой и другими ценностями.

В преступное сообщество входили: Ян Рокотов, Владислав Файбышенко, искусствовед Надежда Эдлис, ее муж, музыкант Сергей Попов, ученый Иустин Лагун, Мушибири Ризванова и братья Паписмедовы из Тбилиси. Руководили кланом валютчиков Рокотов и Файбышенко, остальные являлись перекупщиками.

При задержании Рокотова были изъяты принадлежащие ему 440 золотых монет царской чеканки общим весом 12 килограммов, большое количество иностранной валюты, советских денег и других ценностей в общей сложности более чем на 25 миллионов рублей (цены 1961 года).

Во время обыска на квартире Рокотова оперативная группа обнаружила оставшиеся свободными наличные средства (около миллиона рублей) – предпочтение отдавалось сотенным и пятидесятирублевым купюрам – валютчик аккуратно штабелировал их вдоль стен туалетной комнаты.

Но не для того, чтобы удовлетворить свои снобистские наклонности или выразить презрение к дензнакам. Цель – сугубо практическая, противопожарная. Возникни пожар в квартире, туалет – самое несгораемое в ней помещение – останется невредим, а с ним и деньги...

Ещё целых две пачки «стольников» и «полтинников» Рокотов использовал в качестве закладок, оставляя их между особо понравившимися страницами в томах Пушкина, Лермонтова, Гейне, Шекспира, Гоголя, Куприна.

...По иронии судьбы основную часть ценностей главаря преступной шайки Яна Рокотова оберегало наше государство. Он взял на вооружение приём, описанный в романе Ильфа и Петрова “Золотой теленок”.

Подобно подпольному миллионеру Корейко, зарвавшийся валютчик держал чемодан с драгоценностями в камере хранения одного из вокзалов Москвы, регулярно перемещая свой “золотой запас” с одного места на другое, благо в столице недостатка в вокзалах не ощущается...»

Глава вторая

Напутствия отчима – основа аморального кодекса пасынка

В июле-августе 1957-го в Москве проходил Всемирный фестиваль молодежи и студентов, и тогда Рокотов впервые стал свидетелем, как скупается валюта у иностранцев и перепродается советским гражданам по завышенному курсу.

Именно тогда он решил, что его жизненное кредо – это махинации с валютой, которые принесут ему баснословное состояние, а с ним и успех у женщин, и доступность всех материальных благ...

Индальгенцией для него звучали слова отчима:

«Все ремёсла хороши, коль приносят барыши!»

Притом с философской оговоркой:

«Умный человек не может позволить себе этой роскоши – быть честным!»

И, наконец,

«Неважно, кем ты будешь: банкиром-ростовщиком или вором-карманником. Главное, чтобы ты в своём деле был первым, потому что вторым быть убыточно, а значит, стыдно!»

Вняв этим постулатам, которые стали теоретической основой его преступной деятельности, Ян более чем преуспел на жульническом поприще. Со временем он стал едва ли не самым блестящим форвардом на золотовалютной ниве, но всегда первым.

Первооткрывателем. Первопроходимцем.

Глава третья

Пират валютного рынка

До 1961 года в Советском Союзе официальный курс доллара равнялся четырем рублям, а для туристов из капиталистических стран – десяти. Но иностранцам, которые оказывались в Москве и Ленинграде (только эти города были открыты для посещения), было выгодно проводить обмен валюты не в банках, а с дельцами типа Рокотова: за один «бакс» (доллар) они давали 20–25 рублей.

Кроме того, Рокотов скупал у резидентов арабских стран золотые монеты царской России, так называемые «николаевки», достоинством в 5 и 10 рублей. Швейцарские банки за эти монеты платили 9—12 долларов, Рокотов же давал за них все \$20. А своим контрагентам-покупателям он сбывал их по полторы-две тысячи рублей за монету.

Его вероломная предприимчивость вызывала у ветеранов преступного валютного промысла зависть, смешанную с восхищением: порой за один вечер новичку удавалось «срубить» до 50 тысяч весомых советских рублей!

Но и эта сверхмерная прибыль не могла утолить волчий аппетит новичка, ибо он имел намерение раз и навсегда переплюнуть, а переплюнув, заткнуть за пояс всех своих коллег и соперников на валютной стезе.

Мало того что Ян изобрёл способ для реализации своего намерения, он ещё приобрёл надежного союзника и покровителя. Им стал Отто Буллер, влиятельный член Совета директоров западноберлинского банка «Шмидт и К^о», находившийся в Москве в служебной командировке.

Глава четвёртая

Доказано не раз: «всё гениальное – просто!»

Во время ужина в ресторане гостиницы «Националь» Ян, исполняя роль банкира-самоучки, продемонстрировал немцу разработанную им схему обмена валюты в обход Госбанка СССР.

После зачисления на текущий счет банка «Шмидт и К^о» энной суммы в западногерманских марках, прибывающие в Москву иностранцы получали бы от Рокотова советские деньги по выгодному для них курсу.

В свою очередь, выезжающие за границу советские граждане, вручив Яну рубли, получали бы за границей, исключительно в филиалах банка «Шмидт и К^о», причитающуюся им сумму в твёрдой валюте.

Координацию и контроль сделок по обмену марок на рубли и наоборот мог бы проводить либо менеджер банка, специально откомандированный в СССР, либо торговый атташе посольства ФРГ в Москве.

Выгода от предлагаемых операций была столь очевидна, что Буллер, сполна оценив её многомиллионный потенциал, чуть было не оскандалился от избытка чувств в собственные портки.

Вернувшись из туалета, немец заявил, что изобретенная Рокотовым схема «являет собой шедевр мирового калибра, а ее отец достоин славы лауреата Нобелевской премии».

– Славы не надо – лучше деньгами! – потупив взгляд, ответил Ян.

* * *

Не прошло и полугода, как предложенная Рокотовым схема обмена валют доказала свою живучесть и сверхрентабельность, так как в обороте крутились сотни тысяч рублей и западногерманских марок.

Москва же наполнилась слухами о роскошных банкетах и кутежах в столичных ресторанах и о оплаченных каким-то новоявленным русским купцом по кличке «Косой» пикников на Рижском взморье и на Черноморском побережье, в которых главными фигурантками выступали студентки-красавицы из ВГИК и секс-дивы, выписанные из Белграда, Бухареста, Варшавы, Праги и Софии...

Глава пятая

Ты милосердья, валютчик, не проси – нет милосердных властей на Руси!

Валютный промысел Рокотова оставался безнаказанным до мая 1959 года, пока не появился Указ, предусматривавший передачу дел о контрабанде и о нарушении правил валютных операций из Министерства внутренних дел в юрисдикцию Комитета государственной безопасности СССР.

К сожалению, практическая реализация положений Указа стала возможной лишь в 1961 году, когда был добыт полный расклад об антигосударственных операциях Рокотова в финансово-валютной сфере.

Произошло это после ареста чекистами начальника валютного отдела МУР полковника Воронцова, у которого на личной связи в качестве секретного осведомителя и состоял Ян Рокотов по кличке «Косой».

Учитывая масштабность противоправных деяний, совершенных Рокотовым, а также тот факт, что он являлся связью иностранного банкира, подозреваемого в принадлежности к спецслужбам ФРГ, он стал объектом оперативной разработки Комитета государственной безопасности.

«Косой», задержанный на Ленинградском вокзале в тот момент, когда он в очередной раз изымал из камеры хранения чемодан с неприкосновенным золотым запасом, прозванным им «мой персональный Алмазный фонд», был доставлен в Лефортовскую тюрьму, где стал «косить» под сумасшедшего.

Однако ни предъявленные справки о приступообразно-прогредиентной шизофрении, ни десяток известных адвокатов, защищавших его в ходе следствия и судебного разбирательства, «Косому» не помогли.

Мы располагаем результатами исследования этого валютного гения, которое было проведено комиссией психологов и психиатров Института судебной медицины им. В.П. Сербского.

Текст приведём полностью, ибо того стоит личность нашего героя:

«Экстравертированная личность сангвинического темперамента. Обладает незаурядными умственными способностями с развитым логическим мышлением.

Быстро схватывает и понимает новое. Эрудированный, начитанный. Проявляет упорство в достижении цели. Эмоционально чувствителен, обладает богатым воображением и эстетическим вкусом.

Исключительно доминантный и властный человек с ярко выраженными лидерскими наклонностями. Веселый, жизнерадостный. Самоуверенный и самонадеянный.

Легко нарушает правила общественной морали и бравит этим. Свое поведение контролирует полностью, легко переключается на новые занятия. Стиль действий характеризуется быстротой и энергичностью.

В поведении присутствует безусловная ориентация на успех, в выборе средств его достижения неразборчив и вероломен.

В момент совершения Рокотовым противоправных деяний находился в состоянии ремиссии (если, конечно, допустить, что он действительно страдал приступообразно-прогредиентной шизофренией), был вполне вменяем и рационален в выборе объектов своих посягательств, отдавая себе отчет в совершении незаконных операций».

Глава шестая

Информационная травля

Судебный процесс над шайкой валютчиков еще не начался, а атмосфера в столице накалилась до предела. Причиной тому явились заказные статьи подрядных щелкопёров, бежавших впереди паровоза, то есть предвосхищавших принятие решений Партией и Правительством.

Инфокомпанией руководил Алексей Аджубей, зять Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущёва и по совместительству главный редактор «Известий».

Так, «Комсомолка» и «Известия», соревнуясь в подборе ярлыков для арестованных, клеймили их последними словами, среди которых «слизняки», «мерзкие подонки», «гнилая отрыжка капитализма» были, пожалуй, самыми пристойными.

Вся пишущая братия была едина во мнении, что всё арестованное «обезьянье стадо валютчиков жалеет лишь об одном – в нашей честной Москве нельзя так, как в Лондоне, Париже или Нью-Йорке, открыто потрясать своими барышами и мчаться по столичным улицам, скупая всё и вся на своем пути...».

Однако, как бы ни накалялись страсти, заключенные были вправе ожидать приговора по закону, действовавшему в период совершения ими преступлений и предусматривавшему наказание за валютные операции в виде *трёх лет лишения свободы с конфискацией имущества*.

Однако к началу следствия в СССР были приняты Основы нового Уголовного законодательства, а согласно ему, валютчики могли быть наказаны уже *восемью годами лишения свободы с конфискацией*.

В деле Рокотова и К⁰ суд решил руководствоваться новым положением.

Впрочем, буквально за две недели до начала беспрецедентного процесса Президиум Верховного Совета СССР по настоянию Леонида Брежнева, бывшего в то время его главой, принял новый Указ, согласно которому нарушители валютных операций должны быть приговорены уже *к пятнадцати годам лишения свободы*.

Казалось бы, к делу Рокотова и сотоварищи Указ этот относиться никак не мог, ведь закон, согласно мировой практике – и всем это известно – обратной силы не имеет!

Глава седьмая

Лицемерие наивысшего уровня

Во времена хрущёвской оттепели служители советской юриспруденции пытались создать ей имидж гуманности. Так, в 1959 году с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН Никита Сергеевич клеймил вынесение расстрельных приговоров и требовал отмены смертной казни на всей планете.

Притом всем было ясно, что судебный процесс над валютчиками ни в какие рамки гуманности не укладывается, так как судьи, руководствуясь абсолютно противозаконным Указом Брежнева, приговорили Рокотова, Файбышенко и Эдлис к *пятнадцати* годам отсидки: 5 лет в тюремном узилище, а все остальные 10 – в исправительно-трудовых колониях.

16 июня 1961 года «Правда» поместила официальное сообщение об итогах процесса. Но, как оказалось, точку в деле Рокотова и его команды ставить было еще рано.

А случилось вот что.

К моменту вынесения приговора в Московском городском суде из очередного вояжа по западноевропейским столицам вернулся неугомонный Никита Сергеевич.

В кулуарных беседах западные государственные деятели и бизнесмены просветили его, рассказав о процветающем в Москве подпольном валютном рынке.

Недоумение Хрущёва сменилось яростью, и он, едва спустившись с трапа самолета, тут же из Внуково-2 по радиотелефону вызвал на связь Генерального прокурора Руденко и, обвинив его в мягкости вынесенного приговора, потребовал для подсудимых смертной казни.

Руденко возразил:

«Живем мы, Никита Сергеевич, в исторический момент перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление, а значит, главным методом в борьбе с преступностью должно стать убеждение».

Более того, Генеральный прокурор напомнил Первому секретарю ЦК КПСС, «что обратной силы закон не имеет».

Хрущёв просветил заблуждающегося правоведа:

«Закон делают люди. Мы делаем!»

* * *

17 июля 1961 года в «Правде» появилась еще одна сигнальная публикация: «Из Верховного Суда СССР»:

«Генеральным прокурором СССР был внесен в Верховный Суд РСФСР кассационный протест на жесткость приговора Московского городского суда по делу Рокотова и К⁰.

Однако, учитывая, что Рокотов и Файбышенко совершили тяжкое уголовное преступление, Верховный Суд РСФСР на основании части второй статьи 15 Закона о государственных преступлениях, приговорил Рокотова и Файбышенко к смертной казни – расстрелу с конфискацией в доход государства всех изъятых ценностей и имущества».

Все, и не только юристы, понимали, что творится вопиющее беззаконие: смертную казнь ввели уже после вынесения приговора: обратная сила закона применялась уже *третий* раз!

Эпилог в форме приговора

Через неделю после заседания Верховного суда РСФСР газета «Гудок» опубликовала заметку «Валютчики расстреляны – зло неубиенно».

«Судебные процессы над Рокотовым и его командой, применение Обратной Силы Закона показали всему миру, что заряд демократии в СССР являлся ложным, а все слова Хрущёва о “возвращении к ленинским нормам жизни” – пустым звуком, рассчитанным на простофиль.

Да и может ли быть в стране с полнейшим экономическим произволом здоровая правовая система? Подобно тому, как кремлёвские номенклатурщики подчиняли и переиначивали экономические законы, они с тем же остервенением корёжили и топтали любые другие законы нашего государства...

Ну, а НКВД, который сегодня зовётся Комитетом госбезопасности, он-то где был, пока Никита Сергеевич в течение двух лет измывался над нашей Фемидой?!

Вспомните, что говорили наши предки о нём, об этом персте карающем Советской власти: “Сколько враг не плутует, а НКВД не минует!” Уж не шпионов ли в лице Хрущёва и его клики упустил КГБ?!»

Бриллианты для жены министра

О фантастической жадности генерала армии Н.А. Щёлокова в бытность его министром внутренних дел СССР ходили легенды.

Достаточно сказать, что все многочисленные подношения в виде элитных коньяков, которые вручали министру его сатрапы – руководители областных, краевых и республиканских органов внутренних дел, – никогда не появлялись на праздничном столе его дома. А всё потому, что он *продавал* их буфетчице офицерской столовой центрального аппарата МВД, что на улице Огарева, 6.

Следы клинического крохоборства министра остались в протоколах допросов буфетчицы, что хранятся в архиве Генеральной прокуратуры РФ.

...Огненно-красный катафалк, под который был приспособлен автомобиль противопожарной службы УВД Краснодарского крайисполкома, вырулил на брусчатку мостовой, и две шеренги заранее остановленных трамваев по команде гаишников залились трелями – «вывоз усопшего по высшему разряду» начался.

Тотчас в квартиру покойного проникли трое молодых людей. От воров-домушников их отличала уверенная поступь и увесистые «дипломаты» в руках.

Пришельцы закрыли входную дверь на замок, сбросили отяжелевшие от пота пиджаки, распахнули «дипломаты» и, не обращая внимания на звуки похоронного марша, принялись колдовать над аппаратурой.

Старший группы включил рацию.

– «Первый», «Первый», я – «Третий». Как слышите? Приём!

– «Третий», вас слышу хорошо...

– Докладываю: вошли без помех... Как поняли? Приём!

– Вас понял... Приступайте!

Один из парней, склонившихся над «дипломатом», поднял голову:

– Евгений Сергеевич, есть настройка.

– Хорошо, Коля... Что у тебя, Валера?

– Невозможно настроить... Жуткий фон – вокруг много металла...

Только сейчас гости обратили внимание, что находятся в помещении, загромождённом обрезками металлических труб и арматурой.

– Ёлкин цвет! Не квартира отставника МВД, а мастерская металлоремонта, – присвистнул старший, оглядываясь по сторонам, – а запах!

Действительно, в квартире стоял смрад из смеси карбида, технического масла и обожжённого металла, что свидетельствовало о постоянно проводимых в помещении интенсивных работах по металлу с применением газосварки.

...Старший группы инспектор краевого ОБХСС старший лейтенант Шейко Евгений Сергеевич заочно был знаком с покойным хозяином квартиры дома № 57 по улице Максима Горького.

Их знакомство спровоцировали поступавшие в ОБХСС анонимки, из которых следовало, что Владимир Матвеевич Попов занимается на дому гальваностегией – покрытием никелем и хромом металлоконструкций, – для чего превратил своё жилище в мастерскую.

Соседи, доведённые до иступления шумом и ядовитыми испарениями, исходящими из квартиры Попова, рассылали «белых голубей» – анонимки – в различные городские и краевые властные инстанции.

Тщетно, ибо в адресе проживал тесть члена ЦК КПСС депутата Верховного Совета министра внутренних дел СССР генерала армии Николая Анисимовича Щёлокова.

Уступив просьбе своей жены Светланы Владимировны, т. е. дочери тестя, министр приказал главе Краснодарского УВД генерал-майору Милякову предоставить Попову престижную должность в краевом милицейском ведомстве, а заодно и комфортное жилье в Краснодаре...

Приказ главного милиционера страны – закон для подчинённых, и мартовским утром 1966-го семидесятилетний Попов, войдя в кабинет Милякова гражданским пенсионером, вышел оттуда майором милиции с полномочиями начальника ХОЗО.

Другими словами, радениями своего всеильного зятя Попов попал в так называемую «райскую группу», состоявшую исключительно из высших офицеров Вооруженных Сил страны, которые в брежневские времена списанию в отставку не подлежали.

Впрочем, пребывание в «райской группе» не помешало новоиспеченному начальнику ХОЗО Краснодарского УВД истово предаваться своему любимому занятию – хромированию металлических спинок кроватей, сбыт которых на рынке Краснодара приносил увесистую прибавку к его майорскому жалованью.

* * *

Накануне похорон начальник УВД генерал-майор Миляков вызвал к себе Шейко и без предисловий заявил:

– Так вот, Евгений Сергеевич, ситуация сложилась, прямо скажу, нештатная. Мне тут из крайкома партии звонили... Оказывается, в квартире покойного майора Попова сокрыты ценности на огромную сумму... Они теперь принадлежат его дочери, Светлане Владимировне...

На обыск пойдешь ты... Подберешь двух спецов из Оперативно-технического подразделения, на которых можно положиться, а также аппаратуру обнаружения драгметалла и бриллиантов... Обнаруженные тайники вскрывать запрещают! Я приеду лично...

Монолог Милякова прервала малиновая трель аппарата прямой связи с министром внутренних дел СССР.

– Слушаю, Николай Анисимович... Да, принимаем исчерпывающие меры... Похороны по высшему разряду... Выделен взвод солдат внутренних войск, а при погребении, как положено, троекратный залп... Да, лично мною человек подобран, опер проверенный и вполне надежный. Разумеется, всё сделаю, Николай Анисимович. А вы за драгоценностями свой самолёт пришлёте? Нет? Ну, тогда я с охраной всё привезу в Москву... Да, конечно, я лично всё доставлю...

Тот факт, что Миляков не поздоровался с министром, свидетельствовал, что телефонный контакт между двумя генералами сегодня уже имел место!

«Вот *всё* стало на свои места, – сделал вывод Евгений. – Не было никаких звонков из крайкома. Да и кто, кроме первого секретаря Сергея Медунова, мог бы вам звонить, Виталий Алексеевич? Законы номенклатурной этики требуют, чтобы *первому* звонил только *первый*».

Медунов – первое лицо в крае. Вы – первый чин в краевой милиции. Но для того, чтобы вам позвонил Медунов, ему предварительно должен был бы звонить Щёлоков... Но этот вариант категорически исключен ввиду их противоборства и яростных потуг каждого из них окзаться как можно ближе к Принципалу – к Леониду Ильичу Брежневу».

...Сотрудники краевого Управления внутренних дел были осведомлены о разраставшемся конфликте их прямого начальника, главы МВД Щёлокова Н.А., с первым секретарем Краснодарского крайкома КПСС Медуновым С.Ф.

Последний в начале 1960-х метеоритом ворвался в строго охраняемую орбиту Принципала, внеся переполох и сумятицу в узком кругу особо приближённых лиц и друзей Брежнева.

Сергей Фёдорович Медунов, местечковый партийный предводитель, проявил себя чересчур напористой, неудержимой и непредсказуемой личностью. Накануне очередного всемирно-исторического XXV съезда КПСС он прилюдно пообещал Брежневу, что Кубань, завер-

шив возведение оросительного моря, наполнит закрома Родины миллионом тонн риса. Ровно столько СССР, обнуляя свои запасы иностранной валюты, закупал риса за рубежом.

Утопическая идея обеспечить страну рисом реанимировала дряхлеющее воображение Принципала, и он, поддержав это заведомо провальное предприятие, приблизил к себе Медунова.

Брежневская рать с ненавистью и недоумением наблюдала, как выскочка из Краснодара всё более увлекал дорогого Леонида Ильича своими фантастичными прожеками, которые всё более производили впечатление гипнотических сеансов.

Они, опытные царедворцы, знали, что похвал и милостей Генерального секретаря устаиваются те из его сатрапов, кто более ловко умеет завернуть воздушный шарик в яркую упаковку.

Медунов умел.

Щёлоков, не единственный, но самый непримиримый оппонент Медунова, особо рьяно взялся за развенчание краевого партийного оборотня, всячески препятствуя превращению местечкового секретаря в мастодонта высшей партийной номенклатуры.

В споре о том, кто может находиться ближе к знамени международного коммунистического движения – к Леониду Брежневу – Медунову неоднократно удавалось склонить на свою сторону председателя КГБ Ю.В. Андропова. И, надо признать, что этот номенклатурный третейский судья всегда решал дело в пользу краснодарца. Хотя делал это Юрий Владимирович не без умысла, следуя своей тактике противовесов.

«Нет, – пришёл к заключению Шейко, – никак не мог Щёлоков звонить Медунову! Блефуете, Виталий Алексеевич! А вот за “вполне надёжного и проверенного опера” – спасибо!»

Действительно, Шейко, несмотря на всего лишь трехлетнюю выслугу в органах внутренних дел, уже не раз выполнял конфиденциальные поручения и начальника Управления и даже первого секретаря крайкома партии.

Почему выбор каждый раз выпадал именно на него, оставалось загадкой и для Евгения, и для его сослуживцев. Коллеги поначалу завидовали ему, молодому инспектору, но со временем убедились, что положение «офицера по особым поручениям» привилегий ему не сулило, и поэтому успокоились.

Их ревность миновала еще и благодаря способности Шейко держать язык за зубами и о поручениях начальства в своём окружении не распространяться. Для себя же он сделал вывод, что конфиденциальная близость к начальству даёт лишь одно преимущество: ты можешь обсуждать с ним детали операций на равных и ставить такие вопросы, которые другие опера вслух произнести не решатся никогда!

Поэтому, как только Миляков закончил разговор с министром, Шейко не преминул воспользоваться своим исключительным правом конфиденента.

– Виталий Алексеевич, а почему Николай Анисимович решил, что ценности надо искать в квартире тестя?

Генерал, *протяжно* посмотрев на подчинённого и поняв, что его лукавство раскрыто, ответил:

– Видишь ли, Евгений Сергеевич, министру известно, что при переезде в 1966-м в Краснодар его тесть продал дом и пасеку в станице Марьянская за 40 тысяч рублей, но деньги на сберкнижку не положил. Это Николай Анисимович выяснил через Госбанк СССР. Да и вообще, никаких счетов и вкладов у его тестя в сберкассах никогда не было...

Во-вторых, денежное содержание начальника ХОЗО – не самое скромное в системе МВД, да и возможностей сэкономить и на пищевом довольствии, и на вещевом, как ты сам знаешь, у покойного было предостаточно... Закупил для столовой Управления мясо, картофель, капусту в колхозе по одной цене, отчитался по другой. Разницу, сам знаешь, куда девают...

А одежда? Бушлаты, полушубки милицейские... Кто-то уволился, кого-то перевели... Склад затоварен неликвидами...

Да что мне тебе рассказывать! Ты и сам из ОБХСС...

Короче, деньги у Попова водились, и немалые... Наконец, он этими самыми... гальваническими делами занимался...

Словом, Светлана Владимировна, жена Николая Анисимовича и дочь Попова, высказала идею, что коль скоро её отец вкладов в сберкассах не имел, то деньги тратил на ювелирные изделия...

Поэтому ты возмёмшь с собой на обыск аппаратуру для поиска золота и бриллиантов! Но сопровождающие тебя технари, чтобы ни сном, ни духом... Я имею в виду, что знать им, у кого на квартире они будут проводить литерное мероприятие не положено! Понял? Да, табельное оружие не забудь...

За выполнение задания отвечаешь погонями! Связь по радиации на моём канале... Я – «Первый», ты – «Третий»... Даю тебе сутки... Действуй!

* * *

Попов занимал трехкомнатную квартиру в доме дореволюционной постройки. Высота потолка – пять метров, общая площадь жилища – более ста.

Обойдя апартаменты, Шейко по радиации попросил «Первого» дать еще двое суток для выполнения задания.

«Первый» ответил, что даст еще двух технарей, но *«территория должна быть обработана за сутки»*.

Доложенческий пыл генерала Милякова подталкивал его на крайние меры, однако судьба решила по-своему...

...Уже впятером менты работали не покладая рук. Однако пресловутый клад или был миражом, возникшим в воображении дочери покойного, или подводила аппаратура.

И тогда ее поменяли на выпрошенную у «соседей» – так в МВД называют сотрудников КГБ. Но всё безрезультатно!

После трех дней бесплодного простукивания и прослушивания аппаратурой стен и полов квартиры в местах вероятных закладок покойным тайников с золотом и бриллиантами Шейко отпустил коллег по домам, сам же, раздевшись до трусов, прилег на раскладушке, которой вместо кровати пользовался скупердьяй Попов. В глубокой задумчивости Евгений курил сигарету за сигаретой, задавая себе не всегда безответные вопросы.

«Почему мы ищем драгоценности? Потому что исходим из посыла, предложенного его дочерью, что Попов тратил все деньги на ювелирные изделия. Но вправе ли мы брать за отправную точку её идею? Не ошибается ли она, – а мы вслед за нею, – идентифицируя своего отца с собой? Они ведь такие разные люди!

Судя по найденным в ящике кухонного стола письмам и поздравительным открыткам, последний раз Попов с дочерью заочно общался более 10 лет назад. Она не то что прилететь на служебном самолёте мужа на похороны, – даже венка прислать не удосужилась!

Вместе с тем она уверена, что всё, чем владел Попов при жизни, теперь принадлежит ей по праву наследования. Ей, а не государству! Хотя все расходы по погребению Попова отнесены на счёт Министерства внутренних дел!

Стоп, Женя, тебя занесло не в ту степь!

Значит, идентифицируя своего отца с собой, Светлана Владимировна заблуждается? Да, ибо их мировоззрение, среда обитания и представление о своём будущем расходятся. Более того, они – диаметрально противоположны!»

Шейко раскурил очередную сигарету.

«Действительно, барыня-боярыня министерская жена, у которой огромный запас свободных денег, будет вкладывать их в золотые украшения и в «брюлики», ибо они – цель её жизни. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и разницу в их возрасте.

У неё всё впереди, а у него? Зачем ему драгоценности, отложенные на завтра, не выгоднее ли ему не расставаться с наличными сегодня? А тот факт, что в сберкассах не обнаружены вклады Попова, разве не есть доказательство того, что мы совсем не *ТО* ищем?

Да и доступно ли ей, министерше, всю сознательную жизнь прожившей в роскоши, понимание крестьянской, куркульской психологии отца-трудоголика, десятилетиями ковырявшегося в земле, занимавшегося пасекой и хромированием спинок для кроватей?!

Нет, брат, шалишь! Идти на поводу идеи Светланы Владимировны о кладе – прийти в никуда. Что мы уже и сделали!

Ему чужды эти понятия: золото, драгоценные украшения, бриллианты. Ему по духу ближе “трёшки”, червонцы, в лучшем случае – четвертные и стольники.

Ему нужны не те ценности, что принесут дивиденды в гипотетичном Завтра, – да и будет ли оно у него?! Нет, ему нужны осязаемые банкноты сегодня, и обязательно под рукой! Ведь он даже сберкассам не доверял, и тому подтверждение – отсутствие вкладов!

Значит, – подытожил Шейко, – мы не *ТО* ищем. Не клад с россыпями жемчугов и бриллиантов надо искать, а *наличные!*...»

...От этой мысли Евгению стало ещё тоскливее. Не просветишь же всю квартиру рентгеном!

«Ну, доложу я Милякову свои соображения об ошибочности направления наших поисков, которые спровоцировала Светлана Владимировна, что с того?

Ну, согласится он и тут же предложит мне отыскать эти самые наличные. А где, чёрт подери, прикажете их искать, когда всё прощупано, простукано, прослушано?!»

Вдруг Шейко осенило.

Повинуясь инстинкту преследователя, он ринулся на кухню, где в шкафу лежали старые письма, какие-то накладные, расчётные книжки по оплате газа, воды, электроэнергии.

Пролистав несколько книжек, Женя воскликнул: «Нашёл!»

Нет, он не побежал нагишом по улицам, подобно Архимеду Сиракузскому, крича от счастья: «Эврика!»

Стиснув зубы от волнения, «Третий» вызвал на связь «Первого» и доложил, что имеет бесспорные доказательства того, что в квартире клад отсутствует.

«Первый» также сквозь зубы приказал «Третьему» немедленно доставить те самые «бесспорные доказательства»!

* * *

В гробовой тишине Шейко установил на генеральском столе несколько стопок расчётных книжек оплаты коммунальных услуг.

Миляков недоуменно поднял взгляд на подчинённого.

Евгений открыл книжку, пальцем указал на графу «Сумма – руб., коп». Там были начертаны карандашом две заглавные буквы и восьмизначное число.

Недоумевающий взгляд шефа стал испепеляющим. Но Шейко удалось купировать генеральский гнев:

– И вот так, товарищ генерал, на каждой странице всех книжек...

– Эффекты любишь, старший лейтенант? Куражишься? Ты что принёс?!

Миляков с омерзением отшвырнул от себя книжки, как если бы то были коровьи лепешки.

– Разрешите доложить, товарищ генерал-майор? – Евгений вытянулся в струнку, вытирая взмокшие ладони о брюки.

Миляков выпрыгнул из кресла и закружил по кабинету.

– Три дня... Надо же! Целых три дня просрали! А он мне ещё про какие-то неопровержимые доказательства талдычит! Где они?! Кто их нашёл?!

Пробежав по кабинету дистанцию на изнеможение, генерал плюхнулся в кресло и обречённо произнёс:

– Докладывай...

На едином дыхании Шейко изложил свое видение восьмизначных чисел.

По его мнению, буквы означали серию, а цифры – номер банкноты. Попов записывал их в расчётные книжки – шифровался, а сами банкноты прятал. По мнению Евгения, каждая купюра должна быть достоинством не менее 50 рублей.

– Почему?!

Еще в течение двух минут Евгений цитировал прослушанную в Академии МВД лекцию о том, как эксперты Госбанка СССР подсчитывают деньги, сокрытые гражданами Страны Советов в «кубышках».

Оказывается, объём спрятанных в «чулках» и «кубышках» накоплений никогда не являлся для экспертов Госбанка СССР тайной.

Ларчик открывался просто.

Во все времена люди прятали в «кубышки» купюры высшего номинала. В СССР такими были пятидесяти- и сторублевки.

Зная число выпущенных в обращение «полтинников» и «стольников», банковские служащие, подсчитав в конце года возвратившиеся банкноты этого достоинства, могли с точностью до миллиарда сказать, какая сумма осталась на руках у населения.

Из года в год объём оставался неизменным: 80–90 миллиардов рублей. Сумма ошеломляющая, равная бюджету таких стран, как Дания, Норвегия и Ирландия вместе взятых...

Кроме того, аналитики КГБ уверенно утверждали, что лишь 95–97 % от общей массы невозврата оседало во внутрисоюзных «кубышках».

– Почему? – ожил Миляков.

– Потому что купить в магазинах нечего, а «трёшки», «пятёрки», «десятки» и даже «четвертные» хранить в «чулке» невыгодно – занимают слишком много места.

– Это и ежу понятно, что хранят «полтинники» и «стольники», – грохнув кулаком по столу, срывая голос, крикнул Миляков. – Я спрашиваю, куда остальные 3–5 % деваются?

– А-а-а... «Соседи», – Шейко рукой указал на висевший за спиной генерала портрет Дзержинского, – утверждают, что они оседают в сейфах иностранных разведок для оплаты своей агентуры, действующей на территории СССР...

– Сколько восьмизначных чисел выявил?

– Девятьсот девяносто, товарищ генерал...

– Что ты заладил, «товарищ генерал», «товарищ генерал»! Лучше скажи, где собираешься банкноты искать?!

Шейко, пытаясь уйти от ответа, слукавил:

– Виталий Алексеевич, может, для выигрыша времени передать министру по фототелеграфу номера? Пока в Москве будут выяснять, действительно ли это серии и номера «стольников», мы тем временем, возможно, их найдём...

Идея понравилась.

Миляков поднял трубку аппарата прямой связи с министром. Разговор со Щёлоковым закончил словами:

– Согласен, Николай Анисимович, на худой конец, хоть бумажными банкнотами... Да, девятьсот девяносто купюр. Будет сделано, товарищ министр... Лично доставлю... Да-да, согласен... Конечно, не в деньгах счастье! Да-да, до завтра...

Положив трубку, Миляков грозно обратился к подчинённому:

– Всё слышал? Иди, Евгений Сергеевич, и без ассигнаций не возвращайся! Светлана Владимировна уже и без того вне себя, что ей придётся получить наследство бумажными деньгами, а не драгоценностями... В общем, ступай!

Покидая кабинет, Шейко услышал голос Милякова, дважды повторившего, как заклятие: «Да, конечно, не в деньгах счастье...»

«Это ж сколько надо иметь денег, – мелькнула мысль у Евгения, – чтобы понять, что не в них счастье!»

* * *

Через полчаса Шейко в глубокой задумчивости перешагнул порог злополучной квартиры.

Музейная тишина. Голые стены. Все металлические конструкции, даже радиаторы центрального отопления, сняты и вывезены еще в первый день поисков, поэтому звук шагов гулко отдавался где-то под потолком.

Вдруг из комнаты, где Евгений, лёжа на раскладушке покойного, предавался размышлениям, раздался шорох и шум возни.

«Неужели бриллианты ищет кто-то ещё, кроме меня?!»

Мысль развеселила, придала азарта и решимости.

Сжимая обеими руками табельный «Макаров», Шейко ворвался в комнату.

В углу две огромные черные крысы занимались любовью. Перебросив пистолет в левую руку, Шейко правой схватил раскладушку и яростно метнул её в любвеобильных тварей: крысы юркнули в подполье.

Раскладушка, грохнувшись о стену, переломилась и из двух концов её алюминиевой трубки посыпались светло-коричневые колбаски.

В жутком возбуждении Евгений изо всех сил тряс раскладушку, и свёрнутые трубочками сотенные купюры мягко катились по полу...

– Виталий Алексеевич! – схватив радиостанцию и забыв о субординации, прокричал Шейко. – Я нашёл, я нашёл! Я нашёл ассигнации!

– Не ори, губошлёп... Выезжаю!

В то же мгновение Евгений подумал, что надо было предупредить генерала, чтобы он захватил пилу по металлу, но лишь махнул рукой, едва не выронив рацию. Им овладело полное безразличие.

Вместо послесловия

В полдень 13 декабря 1984 года генерал армии Щёлоков Н.А. надел парадный мундир, на котором красовалась Золотая Звезда Героя Соцтруда, одиннадцать советских орденов и десять медалей, а также шестнадцать наград иностранных государств.

Выверенным движением он зарядил двустволку «Гастин-Раннет» пулями 12 калибра, и, засунув стволы в широко открытый рот, большим пальцем правой ноги нажал на спусковой крючок.

... Следственное управление Главной военной прокуратуры СССР, по инициативе и под присмотром КГБ расследовавшее преступные деяния Щёлокова и его жены Светланы Владимировны, в своем постановлении констатировало:

«Всего преступными действиями супругов Щёлоковых государству причинен ущерб на сумму свыше 500 тысяч рублей (более 800 тысяч долларов по курсу 1980-х: 1 доллар = 0,62 рубля).

В возмещение ущерба Щёлоковым Н.А. и членами его семьи возвращено государству 126 тысяч рублей наличными, а органами следствия изъято имущества на сумму 296 тысяч рублей.

Таким образом, Щёлоков Н.А. и Щёлокова С.В. систематически из корыстных побуждений причиняли государству значительный ущерб.

6 ноября 1984 года Щёлокова С.В. застрелилась из табельного оружия мужа, а 13 декабря 1984 года Щёлоков Н.А. покончил жизнь самоубийством, поэтому уголовное дело в отношении них возбуждено быть не может».

Андропов – Брежнев. Сближение

Глава первая Из секретаря ЦК в начальника ЧК

19 мая 1967 года Ю.В. Андропов по настоянию Л.И. Брежнева и решением Политбюро освобожден от должности секретаря Центрального Комитета КПСС и назначен председателем КГБ СССР, а через месяц, 21 июня, избран кандидатом в члены Политбюро.

Эти меры не отвечали тщеславным запросам Андропова. Ведь назначение на пост главы госбезопасности он рассматривал лишь как трамплин для прыжка на самый верх, продолжая жить жизнью политика, имеющего свою оригинальную точку зрения по самому широкому кругу проблем как внутрисоюзного, так и мирового масштаба.

Люди на таких должностях, как председатель Комитета госбезопасности, малоизвестны обывателю. Вместе с тем на московских и ленинградских кухнях судачили, что Андропов – «либеральный чекист», имеющий слабину к джазовой музыке, не чурающийся песен Владимира Высоцкого, да и сам пописывающий вирши.

Действительно, интеллигентного вида человек в очках, всегда в строгом темном костюме и белоснежной рубашке, новый председатель КГБ внешне совсем не походил на чекистов 1920-х годов в кожанках и с маузерами.

Оставаясь приверженцем ленинских идей, Андропов очень скоро пришел к выводу, что повальная «гулагизация» страны исчерпала себя и дискредитирует КПСС и СССР в глазах мирового сообщества.

Да, людей за убеждения по-прежнему сажали, ссылали в места не столь отдаленные, а то и выдворяли за границу, но благодаря инициативе Андропова центр тяжести с репрессий был перенесен на так называемую *профилактическую работу*.

И в этом он добился многого: привлек науку к изучению тенденций в умонастроениях людей, усилил влияние Комитета на партийную сферу, уделяя особое внимание борьбе за чистоту марксизма-ленинизма.

В личных беседах с начальниками территориальных управлений КГБ Андропов неустанно внушал им:

«Мы, чекисты, призваны бороться за каждого советского человека, когда он оступился, чтобы помочь ему стать на правильный путь. В этом и состоит одна из важнейших сторон деятельности органов госбезопасности. Своими специфическими методами чекисты борются против всего, что чуждо нашей идеологии и морали, вносят свой вклад в большое дело формирования нового человека».

Обращаясь к своим оппонентам – явным и гипотетичным, – Юрий Владимирович однажды произнес вещие слова:

«Многим сегодня госбезопасность представляется в виде хирургического кабинета, в котором оперируют до смерти. Придет время, и люди узнают, что там были и хирурги, спасавшие жизни».

Впрочем, еще при жизни Андропова нашлись оппоненты, которые смогли объективно оценить его деятельность внутри страны. Так, академик АН СССР трижды Герой Социалистического Труда лауреат Нобелевской премии мира А.Д. Сахаров утверждал:

«При Юрии Андропове, этом носителе доброго зла, КГБ был единственным институтом государства, не затронутым коррупцией».

Глава вторая «Слуга царю, отец солдатам»

Андропов живо интересовался и вникал в специфику работы разведки и контрразведки. Лично руководил крупными операциями Комитета внутри страны и за рубежом, поименно знал начальников всех управлений и служб, удерживал в памяти имена особо ценных агентов и разведчиков-нелегалов, проявлял о них заботу как старший по званию и должности.

Показателен пример с «Апостолом нелегальной разведки» – Вартаняном Геворком Андреевичем (оперативный псевдоним «Анри»), который вместе с женой Гоар (псевдоним «Анита») в течение сорока лет выполнял специальные задания в особых условиях, сопряженных с риском для жизни.

Проявляя чекистскую предприимчивость, «Анри» добывал сверхсекретные сведения по приоритетной проблематике, которые неоднократно реализовались *по высшей разметке*, то есть решение по ним принимало исключительно высшее руководство страны. Благодаря Андропову Вартамян был аттестован и дослужился до полковничьих звезд.

Рассказывает Геворк Андреевич:

«Юрия Владимировича очень заинтересовала информация, добытая нами. Надо сказать, то было уже не первое сообщение, которое за моей подписью попало к нему на стол.

Спрашивает он начальника внешней разведки Сахаровского Александра Михайловича, который-то и докладывал сообщение: “А в каком звании этот Анри?”

Сахаровский объяснил, что я вообще не проходил аттестации. Андропов тут же попенял ему: “Не цените вы кур, которые вам золотые яйца несут”...

Не прошло и месяца, как мне присвоили первое воинское звание – капитан. Было мне тогда сорок четыре года. У Гоар даже домашняя шутка появилась: “Мой муж – карьерист, ему всего лишь сорок четыре, а он уже капитан!”

Ничего, наверстал: в 1975-м, то есть через семь лет, я, благодаря заботе Юрия Владимировича, уже полковником был...

Евгений Максимович Примаков принял эстафету от Андропова и продолжил опекать меня. В его бытность директором Службы внешней разведки я получил пять боевых наград – как участник Великой Отечественной...»

Глава третья Тайный визирь генсека

В поведении Андропова, в его манере общения с собеседником было что-то от интеллигента из книг Тургенева и Чехова. Он всегда смотрел прямо в глаза и не отводил взгляда, как Черненко, никогда не опускался до бранных слов и крика, как Хрущёв, не витийствовал, как Суслов. Его негромкая размеренная речь заставляла вслушиваться в каждое произнесенное им слово.

Андропов отдавал себе отчет, что для реализации своих политических идей существует лишь один верный способ: сделать своим союзником Леонида Ильича, и весьма успешно продвигался в этом направлении. За первый год совместной работы с Брежневым председатель КГБ в глазах генсека приобрел вес авторитетного советчика в самых сложных и деликатных делах.

Задавая какой-то вопрос, Андропов сам же ненавязчиво, в форме совета, подсказывал и ответ, не заставляя генерального напрягаться и ломать голову. Он щадил Леонида Ильича, учитывая его загруженность, а в скором будущем – состояние здоровья и болезнь.

Андропов при любом повороте дискуссии всегда сохранял спокойствие и рассудительность. Говорил тихо, но с хорошо поставленной дикцией:

– У меня, Леонид Ильич, несколько вопросов.

Задавал их четко, лаконично, при этом как бы извинялся за то, что вынужденно отвлекает генерального от других важных дел. Стоило Брежневу задуматься над вопросом, как Андропов тут же аккуратно заполнял паузу:

– Думаю, Леонид Ильич, надо поступить вот таким образом, как вы считаете?

После таких «совместных» обсуждений все вопросы и проблемы решались как бы сами собой, и на том беседа заканчивалась.

Совсем иначе вел себя Андропов, докладывая Брежневу или Политбюро о проблемах, относящихся, пусть даже косвенно, к сфере государственной безопасности, – в тот момент он был сама чекистская принципиальность.

Все 15 лет, что Юрий Владимирович находился у руля КГБ, не было ни одного серьезного вопроса, по которому он не представил бы объективную, острую, упреждающую, зачастую нелицеприятную информацию. Вслед за этим он вносил предложение – оптимальный способ решения проблемы.

...Отчитываясь перед генеральным секретарем о работе за год пребывания на посту председателя КГБ, Андропов доложил:

– сорваны 96 вербовочных подходов спецслужб и попыток склонения к измене Родине советских граждан;

– завербованы 218 иностранцев, из которых 64, будучи влиятельными фигурами во властных структурах, располагают оперативными возможностями для оказания противодействия главному противнику – США, странам – членам Североатлантического альянса и Японии;

– добыты шифры ряда недружественных капиталистических стран;

– направлены в ЦК КПСС и в Министерство обороны СССР более 9 тысяч материалов разведывательного характера, в том числе образцы американской военной техники.

– В общем, Леонид Ильич, – шутливо подытожил Андропов, – сколько империалисты ни плутуют, а КГБ не минуют!

Брежнев был весьма впечатлен. И не столько цифирью – она говорила сама за себя, – сколько андроповской манерой подачи информации.

Да, любил Юрий Владимирович продемонстрировать «вкусное» живое, а еще более – печатное слово. С этой целью принял в штат своего ведомства и прикормил высоколобых интеллектуалов, виртуозов составления отчетов и докладов: Георгия Арбатова, Олега Богомолова, Георгия Шахназарова, профессора Льва Делюсина, журналиста Александра Бовина.

...На апрельском пленуме 1973 года Брежнев, отступив от текста, заявил: «КГБ под руководством Юрия Владимировича оказывает огромную помощь Политбюро во внешней политике. Обычно думают, что КГБ – это, значит, только кого-то хватать и сажать. Глубоко ошибаются.

КГБ – это прежде всего огромная и опасная заграничная работа. И надо иметь знания и характер. Не каждый может не продать, не предать, устоять перед соблазнами. Это вам не так, чтобы... с чистенькими ручками. Тут надо обладать большим мужеством и большой преданностью».

Тогда же, на пленуме, Брежнев перевел Андропова из кандидата в члена Политбюро; в декабре произвел в генерал-полковники, а через три года – в генералы армии; к его 60-летию – в 1974-м, вручил орден Ленина и Золотую Звезду Героя Социалистического Труда.

Мата Хари московского разлива

Глава первая

«С голубого димедрола начинаются приколы...»

Осенью 1974 года, после проводов американской делегации, возглавляемой президентом Фордом, Леонид Ильич из Владивостока отправился с визитом в Монголию.

В поезде произошло нарушение мозгового кровообращения, и Брежнев впал в невменяемое состояние. Видели его в таком состоянии охрана и врачи, а узнала о случившемся вся советская делегация. Врачам удалось поставить больного на ноги, но отсчет болезни уже начался – зловещий метроном включился...

Именно с середины 1970-х Брежнев пристрастился к наркотическим препаратам, снотворному, и всего через несколько лет весь мир мог наблюдать лидера-развалину. Одни лекарства следовали за другими: феназепам заменили ноксинором, затем появились спеда, ативан и прочие снадобья, которые Брежнев поглощал горстями.

Чтобы упорядочить прием лекарств, главный кремлевский врач Чазов, посоветовавшись с Андроповым, установил при генсеке медицинский пост. Хорошая идея в дурном исполнении принесла результаты, противоположные ожидаемым.

Вначале работали две сменные медсестры. В своем споре о том, кто должен ближе находиться к древку знамени международного коммунизма – к телу Леонида Ильича – верх одержала та, что была шустрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.